

DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.12

УДК 316.334.56, ББК 60.546.21

© Гужавина Т.А., Ясников Н.Н.

Индикаторная модель измерения инновационного потенциала городского сообщества

**Татьяна Анатольевна
ГУЖАВИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: tanja_gta@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0636-7690; ResearcherID: R-4871-2017

**Николай Николаевич
ЯСНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: nyasnikov94@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1845-154X; ResearcherID: U-2140-2018

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на разработку и апробацию инструментария для количественной оценки инновационного потенциала городских сообществ. Актуальность работы обусловлена необходимостью перехода от абстрактных представлений об инновационном потенциале к измеримым параметрам, позволяющим принимать обоснованные управленческие решения. Научная задача, решаемая в рамках данного исследования, заключалась в разработке и обосновании методологии количественного измерения и оценки инновационного потенциала территориального сообщества. Авторами предложено теоретическое обоснование индикаторной модели, подробно описан процесс её построения и представлен опыт её практического применения посредством расчёта интегрального индекса

Для цитирования: Гужавина Т.А., Ясников Н.Н. (2026). Индикаторная модель измерения инновационного потенциала городского сообщества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 228–245. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.12

For citation: Guzhavina T.A., Yasnikov N.N. (2026). An indicator model for measuring the innovative potential of an urban community. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 228–245. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.12

инновационности, что позволило операционализировать данный социокультурный феномен. Эмпирическая апробация методики проведена на данных двух крупных городов Вологодской области – Вологды и Череповца. Результаты подтвердили диагностические возможности инструментария по выявлению межгородских различий. Установлено, что население Череповца демонстрирует более высокую готовность к технологическим изменениям, тогда как для Вологды характерно преобладание респондентов со средними и низкими значениями инновационности, что коррелирует с более консервативными установками и структурой занятости. Сделан вывод о том, что предложенная модель может служить основой для мониторинга динамики инновационных установок, оценки эффективности стратегий развития и своевременной корректировки управленческих воздействий. Инструментарий позволяет органам власти перейти к адресной работе с различными группами населения: поддерживать лидеров инноваций, вовлекать прагматиков и снижать тревожность консервативных групп через дифференцированные коммуникационные стратегии. Показана возможность масштабирования методологии для анализа профессиональных и молодежных сообществ, а также для типологизации муниципальных образований. Исследование доказывает, что измерение инновационного потенциала является эффективным инструментом управления территориальным развитием, позволяющим сочетать технологическую модернизацию с опорой на социальный капитал местных сообществ.

Ключевые слова: инновация, индекс инновационности, индикаторная модель, методика измерения, группы носителей, социальный капитал, городское сообщество.

Введение

Инновационность становится современной парадигмой общественного развития, что актуализирует исследовательский интерес в этой сфере. Обозначив себя впервые достаточно ярко в сфере экономики и промышленности, инновационные процессы породили изменения в институциональном устройстве, актуализировали процессы развития сферы науки и образования, затронули инфраструктуру общества, его социальную структуру, создав новые профессиональные и образовательные страты.

Выяснилось также, что инновационные преобразования во многом зависят от социокультурных особенностей сообщества, существующие ценности и нормы поведения определяют уровень готовности населения к изменениям, успешность внедрения инноваций связана не только с их продуманностью, своевременностью, но и с готовностью к ним работника либо населения в целом (Rogers, 2023). Таким образом, исследование инноваций не может быть ограничено чисто технологическими или экономическими границами, которые затрагивают в основном материальную сторону инновационных процессов, будь то продукт или услуга (Патраков и др., 2022). Важным становится изучение социальных аспектов инноваций в самом широком смысле слова. В этом случае социологический подход выступает

одним из приоритетных направлений исследовательской оптики, поскольку именно готовность общества к восприятию изменений определяет успех внедрения инноваций.

В результате встаёт вопрос, как количественно измерить инновационный потенциал городского сообщества, учитывая его социокультурную природу (готовность к переменам, отношение к новому, патернализм, кооперацию и доверие), если существующие подходы либо остаются абстрактными, либо фокусируются по большей части на технологических и экономических показателях, игнорируя человеческий фактор.

С опорой на это понимание сформировалась гипотеза о том, что инновационный потенциал городского сообщества является измеримым параметром, который может быть операционализирован через интегральный индекс, открывающий возможности для оценки уровня инновационности населения и позволяющий увидеть потенциал развития сообщества. Исходя из этого, сформулирована цель нашего исследования, которая состоит в разработке комплексного методологического подхода к выявлению и анализу инновационности территориального сообщества, отражающей готовность к внедрению инноваций и измеряемой через конкретные практики и установки.

Первым необходимым шагом в этом случае становится теоретический анализ, что даст возможность создать когнитивную модель для разработки индикаторной модели, на основании которой будет сформирован интегральный индекс измерения инновационности, который, в свою очередь, позволит описать инновационный потенциал территориального сообщества.

Теоретические основы анализа

В становлении и развитии категории «инновация» нашли отражение неоклассический, институциональный, эволюционный, системный подходы, теория современного менеджмента и ряд других направлений. Принято считать, что основы современной инновационной проблематики заложили Й. Шумпетер (Shumpeter, 1939) и Н. Кондратьев (Кондратьев, 2002). Выявленная ими взаимосвязь между социально-экономическим прогрессом и инновацией стала стимулом для изучения данного общественного феномена.

Понимание инновации как комплексного процесса позволило структурировать его от начального этапа, толчком к которому чаще всего становится фундаментальное научное исследование, до результативного внедрения в сфере потребления (Коростышевская и др., 2018). Еще одним результатом исследований стало введение в научный обиход таких понятий, как «инновационная деятельность», «инновационный процесс», «инновационный цикл» и т. п. (Барнева, 2007). Следует обратить внимание и на многообразие инноваций, что позволило выстроить их классификацию по целому набору критериев. Тем самым был сделан важный шаг в их изучении и открылись новые исследовательские возможности (Голдякова, 2006).

В исследованиях экономистов второй половины прошлого столетия все чаще стал появляться подход к инновациям скорее как к социальному явлению, чем чисто экономическому. Эти идеи обнаруживаются в работах П. Друкера, К. Фримена, Г. Менша, А. Клаихнехта и ряда других ученых. Они напрямую начинают выделять связи между инновациями и прогрессом общества во всех его сферах. Развивая эти идеи, современные авторы поднимают вопросы ответственных инноваций, направляемых на общественное благо (Zhou et al., 2026), изучают роль инноваций в обществе

эпохи пост-роста (post-growth era) (Isacson et al., 2026), а также рассматривают роль инвазивных быстрых (invasive rapid) инноваций в повседневной жизни современного общества (Lasarov, Hoffmann, 2026).

Исходя из социологической перспективы на понимание инноваций, следует учитывать наличие существующих концептуальных подходов к их трактовке, среди которых базовыми можно считать структуралистский, структурно-функциональный и социокультурный анализ. Опора на них позволяет трактовать инновацию как социальное действие, наделенное специфическими общественными смыслами. При этом реализация такого действия обусловлена культурными нормами и установками, которые, в свою очередь, способны выступать не только драйверами, но и препятствиями на пути нововведений.

Сквозь призму системного анализа в границах структурно-функционального подхода, разработанного Т. Парсонсом (Парсонс, 1997), можно рассматривать институты и институциональную среду в качестве фактора, определяющего возможность и успешность инноваций. Институты в парсонсовской традиции представляют собой устойчивые комплексы норм, ценностей и образцов поведения, что делает их регуляторами социальных действий. Поэтому для успешного внедрения инновации необходимо, чтобы она была воспринята существующей институциональной системой, то есть либо вписалась в сложившиеся нормативные структуры, либо инициировала их постепенную адаптацию. Именно в процессе институализации, когда происходит закрепление инновации в формальных и неформальных правилах, стандартах и ролевых ожиданиях, которые разделяются членами общества и обеспечивают воспроизводство социальной системы, она становится социально значимой (Парсонс, 2002). В свою очередь, продолжая эту традицию, П. Штомпка, анализируя социальные изменения, акцентировал внимание на том, что институты выступают не только стабилизирующим фактором, но и структурной возможностью для творческой активности индивидов, которые могут переопределять и трансформировать институциональные рамки в процессе внедрения новшеств (Sztompka, 1993).

Современные исследования конкретизируют этот теоретический вывод в двух аспектах. Во-первых, на макроуровне «готовность к инновационной деятельности» связывается с качеством институциональной среды, операционализируемым через такие параметры, как стабильность регуляторной политики и эффективность государственного управления, что нашло отражение в методологии Глобального инновационного индекса¹. Во-вторых, эмпирические работы на примере высокотехнологичных отраслей (в частности, индустрии искусственного интеллекта) демонстрируют, что институциональная среда выступает значимым модератором инновационной активности: государственные субсидии и режим защиты интеллектуальной собственности могут как усиливать, так и перераспределять эффект от сетевого взаимодействия инноваторов (Yang et al., 2025).

Современные отечественные исследования подтверждают и развивают эту идею. Так, В.С. Михайлов и Г.Р. Ислакаева показывают, что специфичные для России неформальные институты (рентоориентированное поведение, консерватизм, избегание изменений) продолжают негативно влиять на предпринимательское поведение и инновационную готовность, несмотря на активные государственные меры поддержки формальных институтов (Михайлов, Ислакаева, 2025). М.Г. Аллабян концептуализирует барьеры инновационной готовности как фобии, прокрастинацию, гедоническую адаптацию и инновационный нигилизм, трансформирующиеся в угрозы технологического суверенитета, которые можно преодолеть построением «антихрупкой национальной инновационной системы», невозможной без комплексного, институционального подхода (Аллабян, 2025). В свою очередь Л.Н. Дробышевская и К.М. Исаков демонстрируют, что проактивные предприятия, способные к институциональной адаптации, имеют на 36% меньший риск ликвидации и показывают значительный прирост прибыли (Дробышевская, Исаков, 2024). Отдельное внимание современные исследователи уделяют роли инновационности в устойчивом развитии. Уточняется методология

разработки дорожных карт инноваций (Муха, 2024), рассматривается роль инноваций в обеспечении устойчивого регионального развития (Хамидова, Бабаева, 2024), предлагаются решения по внедрению инноваций, направленных на достижение целей устойчивого развития (Рагулина, 2024).

Выйти за рамки институционального анализа при интерпретации инновационных практик позволяет социокультурный подход, основы которого были сформулированы П.А. Сорокиным. Он дает возможность обратить внимание на такие внеинституциональные факторы отношения к инновациям, как культура и традиции. Социокультурный подход, обладая существенным эвристическим потенциалом, предоставляет ключ к пониманию парадоксальной ситуации, когда одни инновации органично вписываются в социальную ткань, тогда как другие встречают сопротивление даже при наличии самых благоприятных институциональных условий. Объяснение этому феномену коренится в фундаментальном положении сорокинской теории: любые изменения на уровне практик, быта, орудий труда или социальной организации становятся возможными лишь постольку, поскольку им предшествует трансформация «внутреннего мира» человека. Как подчеркивал П. Сорокин, «изменение практики, быта... наступает лишь после соответствующего изменения в психике, в идеях, в знаниях и убеждениях, и без предварительного психического изменения оно не может наступить» (Сорокин, 1992). Иными словами, культура как система смыслов выступает тем фильтром, который либо пропускает инновацию в повседневность, либо блокирует ее.

В западной научной традиции линию социокультурного анализа инноваций наиболее последовательно развил Г. Хофстеде, чья модель культурных измерений позволила эмпирически верифицировать влияние ценностных ориентаций на инновационную активность (Hofstede, 2001; Hofstede et al., 2010). Исследователь показал, что такие параметры национальной культуры, как дистанция власти, избегание неопределенности и долгосрочная ориентация, напрямую коррелируют со способностью общества генерировать и принимать нововведения: низкий уровень избегания неопределенности способствует большей толерантности к риску и

¹ URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/appendix-iii-sources-and-definitions.html>

экспериментам, тогда как высокая долгосрочная ориентация создает благоприятную среду для внедрения постепенных, но устойчивых инноваций (Hofstede, 2001). Р. Инглхарт, развивая этот исследовательский вектор в рамках теории постиндустриальных ценностных сдвигов, продемонстрировал, что переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения создает принципиально иную социокультурную среду, в которой инновационность становится не отклонением от нормы, а массовой поведенческой практикой (Inglehart, 1997; Inglehart, Welzel, 2005). В свою очередь Ш. Шварц на основе масштабных кросс-культурных исследований доказал, что ценностные приоритеты «открытости изменениям» (самостоятельность, стимуляция) непосредственно предрасполагают индивидов и группы к инновационной активности, тогда как доминирование ценностей «сохранения» (безопасность, конформность, традиция) формирует культурный барьер на пути нововведений (Schwartz, 2006; Schwartz, 2014).

В контексте изучения инноваций структуралистский взгляд П. Бурдьё ценен тем, что позволяет преодолеть упрощенное понимание процесса внедрения новшеств. С одной стороны, как подчеркивал сам автор, инновации могут выступать в качестве объективных социальных структур, задающих рамки и детерминирующих поведение акторов (Бурдьё, 2007). С другой стороны, эти внешние структуры должны быть «освоены» субъектом, т. е. переведены на уровень внутренних диспозиций. Это происходит в процессе формирования специфических установок, или габитуса. Именно габитус, будучи интернализированным социальным опытом, порождает практики и стратегии поведения по отношению к новшеству (принятие или отторжение). Габитус выступает тем концептуальным инструментом, который позволяет исследовать процесс «опривычивания», то есть раскрывает механизм превращения инновации из чужеродного в естественную составляющую мира повседневности (Ростова, Желнина, 2016).

В зарубежной исследовательской традиции основанная на подходе Бурдьё оптика получила плодотворное развитие в работах, посвященных анализу инновационных процессов. Так, Б. Фрер, рассматривая ограничения теории

габитуса, предложил пути ее концептуального расширения для объяснения творческой активности и радикальных инноваций, демонстрируемых акторами в новых социальных движениях (Frère, 2011). Исследователь показывает, что габитус способен выступать не только инерционной структурой, но и генератором практик, трансформирующих социальное поле изнутри. Тем самым инновация предстает не как внешнее вторжение в социальную ткань, а как результат специфической конфигурации диспозиций, сформированных предшествующим опытом и актуализируемых в ответ на вызовы текущей ситуации.

Среди российских практик обратим внимание на подход, предложенный Н.И. Лапиным. Его трактовка инновации представляет собой одну из наиболее глубоких и системных в отечественной социологической традиции, что позволяет выйти за рамки узкоэкономического или технологического понимания этого феномена. Для ученого инновация – не просто новшество или конечный продукт внедрения. Это достаточно сложный, многомерный и динамичный социокультурный процесс, вбирающий не только создание, распространение и использование нового практического средства, но и возможные изменения в окружающей среде². По мнению Н.И. Лапина, инновация содержит не только все тенденции настоящего времени культуры, но и определенные ориентиры на будущее, таким образом, темпоральная двойственность является важнейшей характеристикой инновации³. Эта амбивалентность делает инновацию мощным фактором социокультурной динамики, одновременно являясь продуктом своего времени и его потенциальным преобразователем (Лапин, 2011). Специфика подхода ученого состоит в единении двух аспектов – средового и процессного, что делает его незаменимым для комплексного анализа инноваций.

Такое понимание открывает широкие перспективы для интеграции идей различных теоретических школ. Процессный характер инновации позволяет рассматривать ее институциональную укорененность, близкую идеям

² Лапин Н.И. (2008). Люди в инновациях // Теория и практика инноватики: учеб. пособие. Москва: Университетская книга, Логос. 327 с.

³ Там же.

Т. Парсонса: любое нововведение неизбежно проходит через фильтры существующих правил и норм, либо адаптируясь к ним, либо иницируя их трансформацию. Зависимость успеха и траектории инновации от культурных кодов и ценностных структур перекликается с традицией П. Сорокина: инновация должна резонировать с фундаментальными ценностями социума, чтобы быть принятой и получить широкое распространение. Наконец, подход Н.И. Лапина акцентирует роль агентов инновации, чьи диспозиции, привычки и практики (габитус по П. Бурдьё) играют решающую роль в принятии или отторжении нового. В этом контексте инновация предстает не как абстрактный процесс, а как поле напряженного взаимодействия между носителями различных габитусов, институциональными правилами и культурными смыслами. Иными словами, инновация локализована на пересечении институциональных правил, культурных смыслов и повседневных практик социальных агентов. Н.И. Лапин подчеркивает, что инновационные процессы не всегда носят исключительно позитивный характер. Они могут порождать и дисфункциональные последствия, вступать в противоречия со сложившейся системой интересов и становиться источником социальных конфликтов. Осознание этого риска является неотъемлемой частью его системного подхода, который требует учета не только потенциала развития, но и возможных негативных эффектов нововведений. Таким образом, интерпретация инновации Н.И. Лапина создает прочный теоретический фундамент для понимания этого феномена во всей его социокультурной сложности.

Следует добавить еще один аспект, предвещающий информацию относительно нашей модели. Продуктивным ориентиром для решения этой задачи выступают также работы ряда зарубежных исследователей, предложивших модели измерения инновационного потенциала. Среди них концепция Б. Асхайма и А. Изаксена (Asheim, Isaksen, 2002), где внимание акцентируется на инновационной способности территории, основанием которой служит сложившаяся конфигурация институтов, знаний и сетевых взаимодействий, что позволяет учитывать как формальные, так и неформальные практики.

Прежде чем предложить авторский подход, необходимо проанализировать уже существующие модели. Такой опыт есть, и на разных уровнях. Первый и самый известный уровень измерения – макроуровень. Глобальные индексы инноваций представляют собой иерархические индикаторные модели, которые агрегируют десятки показателей в единый сводный индекс. Они позволяют ранжировать страны, выявлять сильные и слабые стороны национальных инновационных систем, отслеживать динамику и проводить межстрановой анализ. Основных игроков здесь два. Global Innovation Index (GII) публикуется Всемирной организацией интеллектуальной собственности, охватывает более 140 стран мира и определяет 100 лучших инновационных кластеров мира (в их числе Москва)⁴. Вторая модель – это European Innovation Scoreboard (EIS). Она представляет собой инструмент Европейской комиссии, сфокусированный на странах – членах Европейского союза. EIS построен по иной логике, адаптированной под европейскую специфику⁵. На основе сводного индекса все страны делятся на четыре группы: лидеры инноваций (Innovation Leaders), сильные инноваторы (Strong Innovators), умеренные инноваторы (Moderate Innovators) и скромные инноваторы (Emerging Innovators). Отметим, что оба подхода имеют схожие ограничения: статистические лаги, проблемы сопоставимости данных разных стран и, главное, за бортом остаётся человеческий фактор – социокультурные особенности.

На мезоуровне можно обнаружить несколько моделей, ориентированных на регионы и кластеры (табл. 1). Модель RIS (Regional Innovation Systems) делает акцент на учёте неформальных практик (доверие, патернализм, готовность к переменам) как основы инновационной способности. Кластерная модель обращает внимание на кооперацию и сетевые взаимодействия (индекс кооперации и доверия). Модель тройной спирали (Triple Helix) оцени-

⁴ Global Innovation Index. URL: <https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index> (дата обращения: 02.02.2026).

⁵ European innovation scoreboard. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/statistics/performance-indicators/european-innovation-scoreboard_en (дата обращения: 02.02.2026).

вает институциональное доверие к власти, бизнесу и общественным организациям. Концепция умной специализации (Smart Specialisation, S3) исходит из принципа адресности — понимание специфики территории для точечного управления.

Наш интерес к инновационным возможностям территориальных сообществ потребовал анализа возможностей моделей мезоуровня, что позволило увидеть их специфику и целевую направленность. В итоге выяснилось, что существует возможность разработки еще одной мезомодели, которая имеет как общие черты с анализируемыми выше моделями, так и существенные отличия, делающие ее оригинальной авторской разработкой. Например, с RIS авторскую модель объединяет учёт неформальных практик (доверие, патернализм, готовность к переменам) как основы инновационных способностей; с кластерной моделью — внимание к кооперации и сетевым взаимодействиям (индекс кооперации и доверия); с тройной спиралью — оценка институционального доверия к власти, бизнесу, общественным организациям; с умной специализацией — принцип адресности: понимание специфики территории для точечного управления. В качестве существенных отличий назовем объект, методы измерения, типы данных и практическую направленность. В качестве объекта измерения модель ориентирована на население территориального сообщества, являющегося носителем инновационного потенциала. Отметим, что RIS, кластерная модель или S3 фокусируются на институтах и структурах. Для сбора данных используются массовые опросы, фиксирующие субъективные установки людей (в отличие от статистики). Это позволяет получить и иной тип данных. Вместо «количества патентов» или «объёма инвестиций» вскрывается социокультурный код: готовность к переменам, локус контроля, уровень доверия и кооперации и ряд других показателей. На основе анализа данных возникает возможность выработки практических рекомендаций, которые становятся инструментом для адресного управления: понимание, с какими установками люди живут в городе, позволяет разрабатывать меры, работающие «на почве», а не вопреки ей. Таким образом, если сравнить три подхода, то макроуровень (GII, EIS) измеряет институты и инфраструктуру на основе

статистики, микроуровень (BSC) — финансы и процессы на базе отчётности, а авторская мезомодель — социокультурный код и установки на основе массовых опросов. Каждый уровень решает свои задачи, и только вместе они могут дать полную картину.

В основу авторской мезомодели была положена индикаторная модель, выступающая в качестве методологической основы для перевода абстрактных теоретических конструктов в плоскость конкретных измеримых показателей, что позволяет получить объективную картину инновационного развития территории.

Материалы и методы

В рамках измерения и оценки инновационности территориального сообщества мы обратились к нашей более ранней разработке построения индикаторной модели социального капитала⁶. Индикаторная модель выступает в качестве методологической основы для перевода абстрактных теоретических конструктов в плоскость конкретных измеримых показателей, что позволяет получить объективную картину инновационного развития территории (Гужавина и др., 2022). Использование индикаторной модели измерения инновационности имеет ряд методологических преимуществ, таких как возможность количественной оценки ряда характеристик: мониторинг динамики инновационного развития, выявление проблемных зон и потенциала развития, сравнительный анализ различных территориальных сообществ, существующие инновационные практики населения, существующие культурные коды и ценностные структуры и т. д.

Индикаторная модель представляет собой «...совокупность индикаторов, сформированную на определенном концептуальном основании и позволяющую получить в систематизированном виде информацию об изучаемом явлении, процессе, выявить взаимосвязи между составляющими элементами» (Афанасьев, 2016). Построение индикаторной модели требует соблюдения определённого алгоритма.

⁶ Методика построения индикаторной модели апробирована при реализации грантов «Проект №16-03-00188-ОГН «Региональный социальный капитал в условиях кризиса» и «Проект № 20-011-00326 А «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе». Результаты исследований опубликованы в монографиях и статьях.

В нашем исследовании инновационности этот алгоритм включает следующие этапы: 1) выделение обобщающего понятия, которое объединяет совокупность операциональных понятий; 2) конкретизация этих понятий; 3) отбор необходимого числа показателей (на основе гипотезы исследования).

Исходя из теоретической трактовки категории инновации, мы интерпретируем ее как социокультурное в своей основе и социальное по своему характеру действие. Операциональными понятиями, характеризующими инновационность, являются готовность к переменам, отношение к новому, патернализм, кооперация и доверие. Затем происходит перевод этих понятий в индексные показатели, которые закладываются в инструментарий исследования. Это позволяет включить в структуру модели группы индикаторов, характеризующие ее составные элементы. Данный подход находит отражение в разработке *когнитивной модели* изучаемого объекта. Рассмотрим подробнее вошедшие в нее элементы.

Готовность к переменам — это не только открытость к новому, но и способность адаптироваться к новым условиям, готовность предпринимать что-то для реализации преобразований, активная вовлеченность в перемены. Готовность к переменам выступает именно как антипод оппортунизму и пассивности, будучи интегральной установкой, синтезирующей осознание, позитивное отношение и деятельную вовлеченность. В ряде исследований готовность к организационным изменениям определяется через убеждения, установки и намерения членов организации, причем подчеркивается, что именно эти когнитивные и аффективные предпосылки предшествуют активной поддержке преобразований и отличают готовность от пассивного сопротивления (Наумцева, 2016; Armenakis et al., 1993).

Еще одной переменной индекса инновационности является *отношение к новому*. Представляя собой интегральную психологическую характеристику, отношение к новому характеризует способность личности воспринимать, оценивать новые идеи, технологии, процессы, объекты и реагировать на них. Данный индикатор выступает как важнейший предиктор инновационного поведения. Позитивное отношение к новому служит внутренним ката-

лизатором инновационной активности (Понукалин, 2010), тогда как негативное отношение блокирует инновации на уровне личности или группы (Кудрин, Хабаров, 2025). В зарубежной исследовательской традиции это понятие операционализируется через близкие конструкты (Gavin, 1984).

Связь *патернализма* с ориентацией на инновации не является однозначной. С одной стороны, он служит барьером, ограничивая креативность и требуя подчинения. В закрытых сообществах может формироваться сознание, неспособное адаптироваться к переменам, что служит свидетельством его социокультурной инертности. С другой стороны, в определенных условиях патернализм вполне может стать катализатором инноваций. Это свойственно культурам с высокой дистанцией власти (Баранова, 2018). Данная двойственность находит подтверждение в современных исследованиях патерналистского лидерства (Lu et al., 2022).

Для российской практики более актуальным является вариант, когда государственный патернализм выступает как стартовый механизм для развития стратегических направлений. Здесь государство берет на себя риски начального этапа, выступая софинансистом или соучредителем проекта. Здесь важно, чтобы в период поддержки сформировались горизонтальные связи между акторами (Васюков, 2025), которые необходимо сохранить для дальнейшей реализации инновационного проекта. Именно такой вариант трактовки патернализма наиболее близок нашей модели.

Кооперацию и доверие можно трактовать как фундаментальный механизм, на котором базируется успех инноваций во многих сферах жизни (Юсупова, 2021). Особенно это важно для социальных инноваций, которые возникают прежде всего в сетях взаимодействий между различными акторами. Кооперация в инновационной сфере представляет собой форму совместной деятельности разнородных участников с целью создания нового знания, продукта, отношений. Кооперация создает пространство для воспроизводства доверия, оно же обеспечивает возможность сотрудничества. Это связано с тем фактом, что доверие, будучи совокупностью социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий акторов по отношению к друг другу, составляет фундаментальное

содержание жизни и поддерживает устойчивость и интегрированность общества (Гужавина, 2014). Оно обеспечивает снижение рисков оппортунистического поведения и расширяет основы кооперации в рамках коллективных действий. Кооперация и доверие имеют связь диалектического характера: доверие является собой основу любого сотрудничества, а успешная кооперация укрепляет доверие.

Когнитивная модель служит основанием для построения собственно индикаторной модели, состоящей из совокупности базовых индексов. В нашем случае это следующие индексы.

«*Индекс готовности к переменам*» — объединяет индикаторы, измеряющие практическую и психологическую расположенность респондента к освоению конкретных нововведений в повседневной и профессиональной жизни. Вопросы охватывают отношение к цифровым сервисам и технологиям (онлайн-услуги, умные устройства, телемедицина), новым форматам занятости и досуга, а также экологическим практикам. Отдельно фиксируется оценка респондентом последствий технологических изменений в профессиональной сфере, склонность к творческой, изобретательской деятельности и доминирующая стратегия трудового поведения (материалистическая, новаторская, адаптивная либо семейно-ориентированная).

«*Индекс отношения к новому*» выбрал вопросы, направленные на выявление ценностно-мотивационного отношения респондента к социально-экономическим изменениям, новизне и свободе. Индикаторы фиксируют, насколько человек воспринимает перемены как возможность для роста и улучшения благосостояния либо как угрозу, требующую отказа от привычного уклада. Дополнительно оценивается значимость свободы, содержательного труда, инициативы и предприимчивости в жизни, а также место традиций и стабильности в системе ценностей респондента.

«*Индекс патернализма*» основан на вопросах-индикаторах, диагностирующих locus контроля и степень личной ответственности, которую респондент возлагает на себя либо на внешние инстанции. Индикаторы выявляют, в какой мере человек связывает своё материальное положение, карьеру и качество жизни с собственными усилиями, а не с действиями руководителей или властей различных уровней. Дополни-

тельно оценивается отношение к идее активной заботы государства о благосостоянии граждан и запрос на внешнее руководство и поддержку в сложных ситуациях. Высокие значения по данному субиндексу (отвержение патернализма) интерпретируются как установка на самостоятельность и самодетерминацию, необходимые для инновационного поведения.

«*Индекс кооперации и доверия*» направлен на оценку уровня межличностного и институционального доверия — от ближайшего окружения до государственных и общественных структур. Также фиксируется готовность индивида к объединению с другими людьми для совместных действий, будь то решение бытовых проблем, защита прав, участие в самоуправлении, экологические инициативы или творческие проекты. Дополнительно учитывается реальная вовлечённость в деятельность общественных организаций.

По итогам отбора индикаторов сформирована модель переменных инновационности как многомерного феномена, количественная оценка которого осуществляется на основе формулы:

$$I_{\text{ин}} = (I_{\text{гот}} + I_{\text{пат}} + I_{\text{кооп}} + I_{\text{нов}})/4,$$

где

- $I_{\text{ин}}$ — индекс инновационности;
- $I_{\text{гот}}$ — субиндекс готовности к переменам;
- $I_{\text{пат}}$ — субиндекс патернализма;
- $I_{\text{кооп}}$ — субиндекс кооперации и доверия;
- $I_{\text{нов}}$ — субиндекс отношения к новому.

Для измерения уровня инновационности был использован метод социологического опроса населения, где индикаторами являются ответы респондентов. В инструментарий вошли собственно индикаторные вопросы для оценки уровня инновационности населения, а также вопросы, дающие возможность охарактеризовать акторов инновационного поведения, выявить условия для его формирования и реализации.

При анализе данных использован индексный метод, агрегирующий показатели в частные индексы по выделенным структурным компонентам инновационности. Расчет по каждому блоку позволяет не размыть общий индекс, а равноценность расчётных субиндексов проистекает из трактовки инновационно-

сти как многомерного социокультурного феномена, возникающего на пересечении четырёх измерений: готовности к переменам, отношения к новому, патернализма (как обратного показателя самостоятельности) и кооперации с доверием. Согласно синтезу институционального, социокультурного и структуралистского подходов, ни один из этих компонентов не доминирует над другими. Такой подход является достаточно распространённым и используется как зарубежными исследователями, например ООН при расчёте индекса человеческого развития⁷, так и отечественными, например для измерения уровня социального капитала (Гужавина и др., 2022). Каждая переменная в блоке была приведена к стандартизированной пятибалльной шкале для обеспечения возможности расчёта. При этом интерпретируется не столько само по себе числовое значение индекса, сколько его колебания и изменения во времени. Индексный метод открывает возможности как для точечного измерения свойства социального объекта, так и для мониторинга его состояния. Методика показала высокий уровень согласованности итогового индекса. Согласованность и надёжность отобранных переменных в модели доказывает уровень показателя Альфа Кронбаха 0,7 при пороговом значении 0,7.

Созданная на основе авторской общей теоретической модели и индексного метода аддитивная индикаторная модель измерения инновационности открывает возможность для измерения уровня инновационности каждого респондента. Интегральный индекс инновационной активности рассчитывается для каждого опрошенного. Все респонденты были разделены на пять групп, что позволило сформировать сбалансированную шкалу (очень низкий — ниже среднего — средний — выше среднего — высокий). Это обеспечивает достаточную степень дифференциации и сохраняет наглядность выводов. Разделение на меньшее число групп ведёт к излишней агрегации, тогда как их большее число порождает излишнюю детализацию.

В первую группу вошли респонденты с самым низким индексом инновационности. Эта группа условно обозначена как обладатели минимального индекса инновационности (условно — тип 1).

Представители данной группы при ответе на индикаторные вопросы в основном выбирали позиции «не могу приспособиться к переменам», «будущее не зависит от меня», «не доверяю», «не готов объединяться», «не состою», «не участвую», «нужно соблюдать традиции», «проблемы людей должно решать государство» и т. п. Они в основном негативно относятся к инновациям. У них преобладают установки на недоверие и отрицание нового. Доминирует ориентация на государственный патернализм. Это *устойчивые консерваторы*.

Во вторую группу были включены респонденты с более высоким индексом, обозначенные как обладатели низкого индекса инновационности (условно — тип 2). Представители этой группы настороженно относятся к новому. Они скорее консервативны по своим установкам и близки первому типу, но их позиция менее категорична. Потенциал адаптации уже заметен. Это *патерналисты-традиционалисты*.

Третья группа объединила респондентов с индексом инновационности среднего уровня (условно — тип 3). Они составили значительную часть опрошенных. Люди принимают новое, готовы к нему если видят в этом пользу, что позволяет определить их как прагматиков. Данная группа обеспечивает диффузию инноваций в обществе. Они понимают пользу, удобство от внедрения инноваций в свою жизнь, но могут и отказаться от навязывания, противостоя в той или иной степени внешнему давлению. Это *прагматики*.

Четвёртую группу составили те, кто имеет относительно высокий уровень индекса инновационности (условно — тип 4). Четвертая группа представляет собой, по сути, *социальных активистов*. Они легко адаптируются к переменам, имеют вокруг себя единомышленников, первыми готовы принять новшество, в переменных видят ресурс, воспринимают их позитивно. Они во многом блокируют оппозиционное поведение коллег.

Респонденты с индексом инновационности высокого уровня были отнесены к пятой группе (условно — тип 5). Ее представители, отвечая на индикаторные вопросы, чаще прочих выбирали позиции «перемены несут возможности», «моё будущее в моих руках», «готов доверять и объединяться», «состою и участвую», «проблемы нужно решать самостоятельно» и им подобные.

⁷ URL: <https://hdr.undp.org/data-center/documenta-tion-and-downloads>

Пятая группа вбирает в себя *инноваторов-лидеров*. Вошедшие в группу самостоятельно конструируют будущее, они главные проводники и инициаторы перемен, воспринимают будущее как поле своих возможностей. Это люди с высоким уровнем социального капитала, способные взять ответственность на себя. Распределение респондентов по группам показывает их отношение к инновациям в самых разных сферах жизнедеятельности.

В качестве эмпирической базы были использованы результаты исследования, проведенного в 2025 году на территории Вологодской области при реализации проектов «Гений места и Дух времени» (АО МЦСЭИ «Леонтьевский центр») и «Социокультурное развитие и социодинамика общественно-государственных отношений в российских регионах» (ВолНЦ РАН, госзадание № FMGZ-2025-0015). Проект реализовывался в парадигме количественного исследования. Методология исследования основывается на массовом опросе населения крупных городов Вологодской области. Объем выборочной совокупности составил 800 человек старше 18 лет. Выборка двухступенчатая квотная с контролем территории и с отбором районов в крупных городах области с охватом разных типов застройки. На второй ступени анкеты работали по свободному маршруту с фиксированным шагом отбора.

Результаты и обсуждение

Опросы, проведенные в крупных городах Вологодской области – Вологде и Череповце, дали достаточный материал для расчета индекса инновационности. Интеграция концептуальных перспектив создает теоретико-методологическую рамку для конструирования индекса, способного зафиксировать характеристики инновационности территориального сообщества. Данная задача требует обращения к эмпирическим методам получения информации и их аналитическому обобщению с возможностью разработки для количественной оценки ситуации индекса инновационности территориального сообщества.

В результате анализа данных были выявлены группы респондентов, обладающих разным индексом инновационности и демонстрирующих существенное отличие в своем отношении к инновациям в различных сферах жизнедея-

тельности, а также определены реальный баланс полярных установок и особенности социокультурного ландшафта городов (*табл. 1*).

Таблица 1. Уровень инновационности горожанина, %

Город	Уровень инновационности				
	1	2	3	4	5
Вологда	5	35	42	17	1
Череповец	4	20	50	20	7

Источник: данные социологического опроса, апрель – май 2025 года, Вологодская область.

Сопоставление групп с низким (типы 1 и 2) и высоким (типы 4 и 5) уровнями инновационности в Вологде показало, что доля населения с патерналистско-консервативными установками превышает долю носителей инновационной активности. Несколько иная ситуация в Череповце, где новаторы (группы 4 и 5) показали некоторое преимущество перед консерваторами (группы 1 и 2). Наиболее многочисленная в обоих городах группа прагматиков (тип 3) занимает срединную позицию и выступает потенциальным ресурсом для диффузии инноваций при условии их практической полезности. Таким образом, социокультурный ландшафт городского населения характеризуется не столько поляризацией, сколько умеренным доминированием низкоинновационных установок при наличии критической массы прагматичного большинства.

В рамках статьи мы имеем ограниченные возможности в демонстрации применения разработанного индекса. Тем не менее рассмотрим несколько примеров. Обратим внимание на установки горожан в профессиональной среде, поскольку именно в этой сфере прежде всего возникают возможности для самореализации и инициативности (*табл. 2*). В этой сфере по ряду параметров различия между городскими сообществами достаточно существенны.

Уровень инновационности населения существенно дифференцирует трудовые приоритеты. Переход от низких значений индекса к высоким сопровождается сдвигом от потребности в безопасности, стабильности и иерархических отношениях к потребности в автономии, влиянии, творчестве и достойном материальном вознаграждении. При этом профиль «инновационного работника» может иметь свои оттен-

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какие из приведенных характеристик Вашего места работы для Вас наиболее важны?», в зависимости от индекса инновационности, %

Вариант ответа	Уровень инновационности				
	1	2	3	4	5
Вологда					
Безопасность (риск для жизни и здоровья минимален)*	29	22	39	39	20
Возможность влиять на работу предприятия**	5	6	18	30	40
Возможность приносить пользу обществу	14	18	19	18	20
Возможность проявлять инициативу, творчески решать поставленные задачи	19	11	22	20	20
Возможность работать самостоятельно	33	21	21	26	60
Возможность реализовать свои способности, навыки, умения	33	21	26	39	20
Высокая заработная плата*	38	56	67	52	80
Надежность, стабильность места работы	43	56	51	41	40
Отношения с руководителями	43	36	27	23	40
Отношения с коллегами по работе	24	42	31	26	60
Перспективы профессионального, служебного роста**	0	12	27	14	40
Работа оставляет время для досуга, личной жизни	14	18	14	17	0
Работа пользуется уважением в Вашем окружении**	5	4	7	20	0
Содержание работы (чтобы она была интересной)	14	11	11	15	20
Череповец					
Безопасность (риск для жизни и здоровья минимален)**	56	64	47	47	19
Возможность влиять на работу предприятия	13	9	6	9	22
Возможность приносить пользу обществу**	6	6	6	17	22
Возможность проявлять инициативу, творчески решать поставленные задачи**	6	8	5	22	41
Возможность работать самостоятельно*	19	27	29	46	44
Возможность реализовать свои способности, навыки, умения**	19	18	35	57	30
Высокая заработная плата	50	60	69	72	56
Надежность, стабильность места работы**	25	63	73	58	33
Отношения с руководителями**	56	42	17	19	22
Отношения с коллегами по работе**	50	51	31	22	48
Перспективы профессионального, служебного роста	38	17	17	19	26
Работа оставляет время для досуга, личной жизни**	13	37	48	27	11
Работа пользуется уважением в Вашем окружении**	6	4	17	16	30
Содержание работы (чтобы она была интересной)	38	18	27	24	26

* Переменная значима на уровне $P < 0,05$; Хи-квадрат по критерию Краскела – Уоллеса $> 10,9$; $df = 4$.
** Переменная значима на уровне $P < 0,01$; Хи-квадрат по критерию Краскела – Уоллеса $> 10,9$; $df = 4$.
Источник: данные социологического опроса, апрель – май 2025 года, Вологодская область.

ки, что свидетельствует о значимости такого фактора, как городская социокультурная среда. Тем не менее хорошо заметны общие тренды: от выживания к развитию. Так, для групп 1–2, где доминируют базовые, по сути, охраняющие ценности, важнее всего безопасность труда, стабильность и хорошие отношения с руководством. Инициативность и влияние на предприятие практически не имеют веса (5–13%). Это стратегия адаптации и сохранения места. Третья группа – это своего рода зона перелома. Можно

видеть пиковые значения надежности и оплаты труда. Здесь уже есть готовность к новому, но и потребность в твердой основе достаточно высока. Высокий индекс (группы 4–5) связан с дрейфом к автономии и влиянию, значимости содержания труда. Максимальные значения достигаются по шкалам «возможность влиять на предприятие», «работать самостоятельно» и «проявлять инициативу». Потребность в «безопасности» и «отношениях с руководителем» резко падает.

Рост инновационности везде повышает спрос на свободу и влияние. Но если в Вологде, административном центре региона, «инноватор» – это скорее автономный профессионал-карьерист, готовый работать на себя и за большую зарплату, то в Череповце, промышленном центре, в большей степени востребованы инициативные члены команды, для которых важны как возможность творить, так и признание со стороны коллег. Это указывает на более коллективистский характер труда, где даже инновационные задачи решаются в команде (вероятно, проектные группы на крупных предприятиях). Промышленный контекст говорит о важности горизонтального престижа и репутации в профессиональной среде, что типично для устоявшихся заводских коллективов с высокой ролью профессиональных династий и сообществ.

Не менее интересные результаты мы получаем при наблюдении за выборами альтернатив при ответе на вопрос «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?» (табл. 3). Индекс инновационности позволяет увидеть связь между готовностью к новому и отношением к стабильности, риску, доходу и свободному времени.

С ростом индекса инновационности наблюдается закономерный сдвиг от консервативных моделей занятости к более активным и предпринимательским. Так при низком показателе индекса (группы 1–2) наблюдается доминирование запроса на определенность. Люди предпочитают небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне, либо готовы пожертвовать доходом ради свободного времени и легкой работы. Риск и полная самоотдача на работе им чужды.

Средний индекс (группа 3) вновь стал зоной перелома. Резко падает привлекательность «легкой работы» и растет интерес к высокому заработку без гарантий. Люди начинают делать ставку на доход, даже если это сопряжено с нестабильностью. При высоком индексе (группы 4–5) формируется запрос на интенсивную трудовую модель и самостоятельность. Максимальные значения достигаются по стратегии «много зарабатывать, целиком отдаваясь работе». Одновременно растет доля желающих иметь собственное дело (особенно в Череповце), тогда как потребность в гарантиях и свободном времени уходит на второй план. Вполне возможно, что такие установки приводят

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?», в зависимости от индекса инновационности, %

Вариант ответа	Уровень инновационности				
	1	2	3	4	5
	Вологда*				
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	24	19	30	21	20
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	33	42	14	18	20
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	14	24	25	29	20
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	29	7	9	13	0
Много зарабатывать, целиком отдаваясь работе	0	9	21	21	40
	Череповец**				
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	44	40	26	4	7
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	25	22	12	10	11
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	13	18	37	34	26
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	0	5	10	24	22
Много зарабатывать, целиком отдаваясь работе	19	14	16	28	33
* Переменная значима на уровне $P < 0,01$; точный критерий Фишера 52,275.					
** Переменная значима на уровне $P < 0,01$; точный критерий Фишера 70,460.					
Для анализа связи использовался точный критерий Фишера с аппроксимацией методом Монте-Карло (10000 выборок, 99% ДИ) в связи с тем, что часть ячеек таблицы имели ожидаемую частоту менее 5.					
Источник: данные социологического опроса, апрель – май 2025 года, Вологодская область.					

к определенному результату. В Череповце медианная зарплата составляет 60000 рублей⁸, тогда как в Вологде 50000 рублей⁹.

Городская среда накладывает значимый отпечаток на эти предпочтения, что выражается в профиле «инновационного работника». Выделенные на основе индекса группы респондентов показали явные различия в трудовых приоритетах: выявлены существенные различия в структуре инновационного потенциала двух городских сообществ. Жители Череповца демонстрируют более высокую готовность к технологическим изменениям и нововведениям, что выражается в большей доле групп с высоким и относительно высоким индексом инновационности. В Вологде, напротив, преобладают респонденты со средними и низкими показателями, что может быть связано с консервативными установками и спецификой профессиональной структуры занятости. Предложенный инструментарий не только фиксирует текущее распределение установок, но и позволяет выявить связь инновационности с жизненными стратегиями.

Любопытным результатом исследования стало обнаружение высокой доли желающих открыть свое дело среди наименее инновационной группы вологжан. Это является противоречием только на первый взгляд. Среди респондентов данной группы значительна доля самозанятых. Эта категория не желает менять свою жизненную позицию (консерватизм), и они действительно готовы вести собственное дело на свой страх и риск. Важно то, что эта информация может служить основанием для выработки конкретных управленческих решений, ориентированных на данную категорию.

Заключение

Разработанная в рамках исследования индикаторная модель и рассчитанный на ее основе индекс инновационности представляют собой попытку не только операционализировать сложный социокультурный феномен инновационности, но и перевести его в плоскость количественного измерения. Апробация методи-

ки на данных крупных городов Вологодской области подтвердила диагностическую способность модели. Индекс дает возможность выявить основные характеристики профиля «инновационности респондента», который представляет собой определенную конфигурацию социокультурных установок и поведенческих диспозиций индивида, характеризующую готовность к переменам, отношение к новому. Группа с низким значением индекса – тип 1 (инерционно-патерналистский профиль) демонстрирует крайне низкую способность адаптироваться к переменам, воспринимая их часто как угрозу сложившемуся укладу. Для ее представителей характерны ориентация на внешний локус контроля, генерализованное недоверие, низкий уровень готовности к объединению и сотрудничеству, отсутствие вовлеченности в коллективные действия. Ценностный фокус ориентирован на сохранение традиций и стабильности.

Тип 2 (настороженно-консервативный профиль) обнаруживает сдержанное, настороженное отношение к нововведениям, но без абсолютного их отрицания, но нет и инициативы. Консервативные установки смягчены потенциалом адаптации, который пока не актуализирован. Патерналистские ожидания выражены менее категорично, чем у первого типа. Профиль характеризуется ситуативной готовностью к принятию нового при условии внешнего подкрепления и демонстрации очевидных преимуществ. Тип 3 (прагматически-адаптивный профиль) принимает новое не по ценностным, а по утилитарным основаниям. В случае, если перемены несут практическую пользу, удобство или выгоду, он выступает в роли активного пользователя инноваций, обеспечивая их диффузию в повседневных и профессиональных практиках. Данный тип эмоционально нейтрален к новизне или умеренно позитивен. Готовность к кооперации носит инструментальный характер. Данный профиль является основным проводником инноваций в социуме, не генерируя их, но эффективно осваивая.

Тип 4 (социально-активистский профиль) воспринимает перемены как ресурс и источник возможностей для роста. Это делает его адаптивным, способным находить единомышленников и выстраивать кооперативные сети. Он первым принимает новшества, может проявить

⁸ ГородРабот.ру. URL: <https://cherepovets.gorodrabot.ru/salaries#salary-statistics-chart-item-3> (дата обращения: 26.04.2026).

⁹ ГородРабот.ру. URL: <https://vologda.gorodrabot.ru/salaries#salary-statistics-chart-item-1> (дата обращения: 26.04.2026).

себя как агент их продвижения, характеризуется внутренним локусом контроля и готовностью брать ответственность за себя и окружающих. Это делает его способным в определенной мере нейтрализовать оппозиционные и инерционные настроения в коллективе. Высокий уровень индекса, присущий типу 5 (инновационно-лидерский профиль) показывает его как инициатора и проводника перемен, раскрывает его способность генерировать новое знание, принимать решения и брать ответственность в условиях неопределенности. Данный профиль задает векторы инновационного развития, выступая драйвером социокультурных и технологических трансформаций, способен самостоятельно конструировать свое будущее, воспринимая его как поле собственных возможностей.

Практическая значимость разработанного подхода видится в нескольких плоскостях. В-первых, индикаторная модель открывает возможности для мониторинга динамики инновационного потенциала. Регулярные замеры позволяют оценивать эффективность реализуемых стратегий, отслеживать сдвиги в ценностных ориентациях населения и своевременно корректировать управленческие решения. Особую ценность это приобретает в контексте крупных инфраструктурных или технологических проектов, где успех внедрения напрямую зависит от готовности сообщества к изменениям.

Во-вторых, предложенный инструментарий позволяет органам власти и институтам развития перейти от «слепого» стимулирования инноваций к адресной работе с конкретными группами населения. Понимание того, какие сегменты сообщества являются носителями инновационных установок, а какие занимают

консервативную позицию, дает возможность проектировать дифференцированные коммуникационные стратегии: создавать пространства для самореализации и горизонтальных связей «инноваторам-лидерам»; показать конкретные выгоды от нововведений «прагматикам»; способствовать снижению тревожности у «традиционалистов» через механизмы социальной защиты и постепенного вовлечения в орбиту изменений.

В-третьих, методология может быть масштабирована на иные уровни и объекты. Представляется перспективным ее применение для анализа инновационности профессиональных и отраслевых сообществ, молодежных когорт, а также для сравнительных исследований малых городов и сельских территорий. Выявленные закономерности могут быть положены в основу типологизации муниципальных образований по характеру инновационного потенциала, что создаст базу для более тонкой региональной политики.

Таким образом, исследование подтвердило гипотезу о том, что инновационный потенциал является измеримым параметром, который может быть эффективно использован в практике управления территориальным развитием и формирования инновационной среды.

Дальнейшие исследования в этом направлении способны не только углубить теоретическое понимание механизмов социального развития, но и предложить практические решения, ориентированные на гармоничное сочетание технологической модернизации с сохранением и укреплением социальной ткани сообщества. Инновации, лишённые человеческого измерения, остаются лишь техникой; инновации, опирающиеся на живой социальный капитал, становятся подлинным драйвером развития.

Литература

- Аллабян М.Г. (2025). Барьеры инновационного развития при разработке и реализации равноуровневой инновационной политики // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 7. С. 220–228. DOI: 10.36871/ek.up.r.2025.11.07.021
- Афанасьев Д.В. (2016). Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6. С. 110–125. DOI: 10.15838/esc/2016.6.48.6
- Баранова Е.В. (2018). Традиции патернализма и риск инноваций // Социальные коммуникации в современном мире: сборник научных статей по материалам работы Первого белорусского философского конгресса. Минск: БГУ. С. 144–148.

- Барнева А.Ю. (2007). Инновация как экономическая категория // *Инновации*. № 9 (107). С. 61–63.
- Бурдые П. (2007). Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Васюков Р.В. (2025). Патерналистская модель помощи: проблемы и перспективы (социально-философский анализ) // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. № 2. С. 73–80.
- Голдякова Т.В. (2006). Понятие и классификация инноваций // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 2. С. 20–27.
- Гужавина Т.А. (2018). Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 11. № 4. С. 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16
- Гужавина Т.А. (2014). Доверие и его роль в модернизационном развитии региона // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. С. 156–172.
- Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Косыгина К.Е. [и др.] (2022). Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе: монография. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 228 с.
- Дробышевская Л.Н., Исаков К.М. (2024). Совершенствование институциональной среды инновационной деятельности предприятий на основе проактивности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. Т. 20. № 3. С. 516–540. DOI: 10.24891/ni.20.3.516
- Кондратьев Н.Д. (2002). Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Москва: Экономика. 765 с.
- Коростышевская Е.М., Румянцева С.Ю., Самылов И.О. (2018). Этапы становления и развития понятия «инновации» // *Инновации*. № 3 (233). С. 36–46.
- Кудрин А.К., Хабаров В.И. (2025). Переход компаний к инновационному менеджменту как драйверу повышения стабильного состояния организаций // *Ученые записки Российской академии предпринимательства*. Т. 24. № 3. С. 58–67. DOI: 10.24182/2073-6258-2025-24-3-58-67
- Лапин Н.И. (2011). Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // *Социологические исследования*. № 9. С. 3–18.
- Михайлов В.С., Ислакаева Г.Р. (2025). Специфичные для России неформальные институты, тормозящие развитие инновационного предпринимательства // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. № 3. DOI: 10.34773/EU.2025.3.11
- Муха Д. (2024). Теоретические и методологические аспекты разработки дорожных карт в сфере науки, технологий и инноваций для достижения целей устойчивого развития // *Общество и экономика*. № 3. С. 69–90. URL: DOI: 10.31857/S0207367624030056
- Наумцева Е.А. (2016). Психологическая готовность к организационным изменениям: подходы, понятия, методики // *Организационная психология*. № 2. С. 55–74.
- Парсонс Т. (1997). Система современных обществ. Москва: Аспект Пресс. 270 с.
- Парсонс Т. (2002). О структуре социального действия. Москва: Академический проект. 800 с.
- Патраков Э.В., Сабо Ч.М., Батурина Л.И. [и др.] (2022). Отношение к технологическим инновациям: кросскультурное исследование // *Психология человека в образовании*. № 4(4). С. 459–474. DOI: 10.33910/2686-9527-2022-4-4-459-474
- Понукалин А.А. (2010). Социальная психология управления инновационной деятельностью // *Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. № 4. С. 83–88.
- Рагулина Ю.В. (2024). Перспективы глобального влияния инноваций на экономическое развитие // *Экономическая безопасность*. Т. 7. № 9. С. 2219–2238. DOI: 10.18334/ecssec.7.9.121710.
- Ростова А.В., Желнина Е.В. (2016) Инновационная открытость населения: концептуализация понятия // *Концепт*. № 9. URL: <https://e-koncept.ru/2016/September.htm>
- Сорокин П.А. (1992). Человек. Цивилизация. Общество / под ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. Москва: Политиздат. 534 с.
- Хамидова П.С., Бабаева З.Ш. (2024). Устойчивое развитие региона: инновации и конкурентоспособность // *Journal of monetary economics and management*. № 12. С. 115–121. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.85.97.163 (дата обращения: 28.05.2026).

- Юсупова А.Т. (2021). Кооперация науки и бизнеса: уроки сибирского опыта // Управление наукой: теория и практика. Т. 3. № 4. С. 96–103.
- Armenakis A.A., Harris S.G., Mossholder K.W. (1993). Creating readiness for organizational change. *Human Relations*, 46(6), 681–703.
- Asheim B.T., Isaksen A. (2002). Regional innovation systems: The integration of local ‘sticky’ and global ‘ubiquitous’ knowledge. *The Journal of Technology Transfer*, 27(1), 77–86.
- Frère B. (2011). Bourdieu’s sociological fiction: A phenomenological reading of habitus. In Susen S., Turner B. (Eds.). *The Legacy of Pierre Bourdieu: Critical Essays*. London: Anthem Press.
- Gavin G. (1984). Correlates of innovativeness: Individual and group level perspectives. *Journal of Applied Psychology*, 69(3), 412–420.
- Hofstede G. (2001). *Culture’s Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations (2nd Ed.)*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw-Hill.
- Inglehart R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press.
- Isacson Å., Adelfio M., Thuvander L. (2026). Post-growth technologies: A scoping review of innovations related to degrowth, sharing economy and self-sufficiency. *SN Soc, Sci.*, 6, 65. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43545-026-01329-4>
- Lu L., Zhou K., Wang Y., Zhu S. (2022). Relationship between paternalistic leadership and employee innovation: A meta-analysis among Chinese samples. *Front. Psychol.* 13:920006. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.920006
- Rogers E. (2003) *Diffusion of Innovations. 5th Ed.* New York: Free Press,
- Schwartz S.H. (2006). A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, 5(2-3), 137–182.
- Schwartz S.H. (2014). National culture as value orientations: Consequences of value differences and cultural distance. In: Ginsburgh V.A., Throsby D. (Eds.), *Handbook of the Economics of Art and Culture, Volume 2*. Elsevier.
- Shumpeter J. (1939). *Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. Volume 1*. New York: McGraw-Hill.
- Sztompka P. (1993). *The Sociology of Social Change*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Lasarov W., Hoffmann S. (2026). Invasive rapid innovation: An introduction and exploration of their acceptance. *Technology in Society*, 84, 103118. DOI: 10.1016/j.techsoc.2025.103118.
- Yang D., Sun S., Wu S. (2025). Sustainable innovation networks in China’s AI industry: How network position and institutional environment shape regional collaborative performance. *Sustainability*, 18(1), 1–29. DOI: <https://doi.org/10.3390/su18010205>
- Zhou Q., Yu H., Chen M., Snell M., Adams K. (2026). Managing technological innovation for social good: A systematic literature review. *Strategic Change*. DOI: <https://doi.org/10.1002/jsc.2651>

Сведения об авторах

Татьяна Анатольевна Гужавина — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Николай Николаевич Ясников — преподаватель-исследователь, младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: nyasnikov94@mail.ru)

Guzhavina T.A., Yasnikov N.N.

An Indicator Model for Measuring the Innovative Potential of an Urban Community

Abstract. The article presents the results of a study aimed at developing and testing tools for quantifying the innovation potential of urban communities. The relevance of the work is determined by the need to move from abstract concepts of innovation potential to measurable parameters that allow making informed management decisions. The scientific task solved within the framework of this study was to develop and substantiate a methodology for quantifying and evaluating the innovation potential of a territorial community. The authors proposed a theoretical justification for the indicator model, described in detail the process of its construction and presented the experience of its practical application through the calculation of the integral index of innovation, which made it possible to operationalize this socio-cultural phenomenon. Empirical testing of the methodology was carried out on the data of two large cities of the Vologda Region – Vologda and Cherepovets. The results confirmed the diagnostic capabilities of the toolkit for detecting inter-urban differences. It was found that the population of Cherepovets demonstrates a higher willingness to technological changes, whereas Vologda is characterized by the predominance of respondents with medium and low values of the innovation index, which correlates with conservative attitudes and employment structure. It is concluded that the proposed model can serve as a basis for monitoring the dynamics of innovation attitudes, evaluating the effectiveness of development strategies and timely adjustment of management impacts. The toolkit allows authorities to move to targeted work with various segments of the population: to support innovation leaders, involve pragmatists, and reduce anxiety among conservative groups through differentiated communication strategies. The possibility of scaling the methodology for the analysis of professional and youth communities, as well as for the typologization of municipalities, is substantiated. The study proves that measuring innovation potential is an effective tool for managing territorial development, allowing combining technological modernization with reliance on the social capital of local communities.

Key words: innovation, innovativeness index, indicator model, measurement methodology, bearer groups, social capital, urban community.

Information about the Authors

Tatiana A. Guzhavina – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Nikolay N. Yasnikov – Research Teacher, Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: nyasnikov94@mail.ru)

Статья поступила 20.04.2026.